

КСЕНИЯ МЯЛО

РОССИЯ И МАЙДАН: 2013–2014

Острейшему политическому кризису, вот уже третий месяц подряд сотрясающему Украину, не видно конца. И, похоже, ни один даже из самых известных украинских политологов, которым и карты в руки, не берётся предсказать, когда именно наступит этот конец, окажется ли он быстрым и внезапным, либо, наоборот, кризис разовьётся в нечто другое, что и называть уже придётся тоже по-другому. Тем более же – сказать, каким в итоге окажется выбор Украины “между Западом и Востоком”, то бишь между двумя ЕС – Европейским и Евразийским союзом. Выбор, собственно, и образующий самую сердцевину драмы.

Не собираюсь делать предсказаний и я, и не только потому, что слишком многие пружины того, что уже вошло в историю под названием “Майдан-2”, ещё остаются скрытыми за кулисами, но прежде всего потому, что, глядя на события с “русской” стороны, свою задачу вижу иной. И для начала – гораздо более скромной: попытаться, хотя бы в самых общих чертах, восстановить картину событий, которая сегодня, не в последнюю очередь усилиями российских СМИ, предстаёт скомканной и обрывочной. Портреты Степана Бандеры, с вызовом вывешенные на стенах захваченных радикалами административных зданий и в самом Киеве, и в областных столицах; коктейли Молотова, под радостный молодой гогот метателей превращающие в живые факелы бойцов “Беркута”; каски дивизии “СС-Галичина” на площади Независимости, наконец, развешанные на деревьях петли в Ивано-Франковске и даже в Севастополе – всё это, вызывая законное чувство омерзения и негодования, почти заслонило собой начало событий. Задвинутым далеко на задний план оказался вопрос о внутренних и далеко не одномерных проблемах, выведших людей на улицу. И уж совсем неуместной – да что там, просто возмутительной – в глазах большинства тех, кого у нас принято именовать государственниками, покажется сама попытка задаться вопросом о роли России в таком остром развитии процесса. Однако я сознательно придаю ему первостепенное значение, потому что иначе мы так и не сможем понять, каким образом разногласия по такой, казалось бы, сугубо прагматической проблеме, как присоединение или неприсоединение Киева к Таможенному союзу, привели к тому, что на кону сегодня оказались проблемы куда как более масштабного значения. Бежала мышка, хвостиком махнула и...

Конец сказки известен. И остаётся надеяться, что таким же не окажется конец истории русско-украинских отношений – сложных, порою напряжённых до взрыва, но до сих пор всё-таки выстаивавших в бурях и потрясениях, на которые не поскупилась для нас судьба. Однако надеяться не означает тешиться иллюзиями, к месту, а чаще не к месту поминая о “дружбе и братстве между народами” и полагая, что если в “дружбе и братстве” что-то не за-

ладилось, то исключительно по причине вмешательства внешних сил. Однако нельзя не видеть, что лозунги эти, когда-то бывшие выражением пламенной веры, изжили себя, превратились в лишённые энергии ритуальные мантры и больше не работают. И что там, где на такую архаику делается главный упор в информационном обеспечении политических программ, мало соответствующих первоначальному смыслу этих лозунгов, провал обеспечен даже без всякого вмешательства внешних сил. С той лишь разницей, что в случае такого вмешательства он становится особенно впечатляющим, в чём мы за последние 20 лет имели немало возможностей убедиться и что ещё раз показали события, развернувшиеся на Украине.

В самом деле, всего четыре года назад ничто, казалось, не предвещало бури, напротив, стрелка барометра в отношениях Москвы и Киева всё более уверенно сдвигалась в сторону “ясно”. Так что же произошло, откуда прибежала “мышка”? Неужели опять из Вашингтона?

* * *

Сегодня В. Ф. Янукович подвергается остракизму с самых разных сторон, а не только на майдане. Причём между гонителями и хулителями возникают порою самые неожиданные и даже противоестественные, на первый взгляд, сближения. Так, “Новая газета”, известная своим неумолимым неприятием В. В. Путина, в одном из февральских номеров теперь с глубоким удовлетворением отмечает знаки его немилости к президенту Украины – не там (на галёрке) посадил на церемонии открытия Олимпийских игр, не так, притом прилюдно, поговорил. Всё это радует либеральное сердце, которое особенно ликует в предвкушении места на скамье подсудимых в Гааге для опального киевского гостя. И наоборот: Запад, ненавистный Запад, чьими происками Янукович будто бы и учинил бунт на готовом к спуску на воду евразийском корабле, грозит официальному Киеву санкциями (что, как мы знаем по Югославии, может предшествовать Гааге), а государственники из газеты “Завтра” идут ещё дальше и предрекают лично Януковичу участь Иуды. Поразительное “согласье струн в концерте”, но, на мой вкус, слишком уж похожее на азартное улюлюканье увлечённых травлей охотников.

К тому же Янукович пока, на момент сдачи этой статьи в набор, остаётся легитимным президентом Украины, и цинично-презрительный тон по отношению к нему не может не задевать его избирателей, которым принадлежит право решающего суждения. А они такого суждения ещё не вынесли. Тем труднее понять российских политиков и журналистов, яростно мечущих свои отравленные стрелы в Януковича, но более всего ранящих как раз ту часть населения Украины, которая в разгар противостояния всё ещё выходила на улицы с портретом действующего президента. Чего стоил, например, один только Жириновский, в программе В. Соловьёва “Поединок” набрасывавшийся на украинского писателя Олеса Бузину, представляющего как раз противоположную Майдану часть Украины, так, словно бы перед ним был, по меньшей мере, лидер радикального “Правого сектора” Дмитрий Ярош.

Но это ещё цветочки, потому что есть и такие, кто готов призвать к ответу самого первого “восточника”, Богдана Хмельницкого, причём не где-нибудь, а на страницах весьма уважаемой “Московской правды”. Вот что пишет о гетмане, которого мы, оказываясь, понапрасну продолжаем считать великим, автор статьи “Сказки старого майдана” Михаил Щипанов: “Учившимся по советским учебникам, быть может, неизвестно, что мифологизированный Богдан Хмельницкий отнюдь не был пророссийским политическим однолюбом. И довольно долго маневрировал между Москвой, Варшавой и... Стамбулом”. Многозначительное многоточие перед “Стамбулом”, видимо, должно указывать на глубину падения гетмана, а также открыть нам глаза на изначально порочный генезис украинской государственности. Ибо гетман, продолжает автор, всего лишь – но как хитро! – “вёл игры в стиле нынешних украинских вождей, торгуя собственной страной направо и налево” (“Московская правда”, 10 февраля 2014 года).

Вот ведь как мочили нам голову “советские учебники”! Я, правда, всегда считала, что киевский памятник Богдану Хмельницкому был установлен тогда, когда никаких “советских учебников” ещё не существовало даже в за-

мысле. Именно о нём, окружённом пламенем Гражданской войны, но всё ещё указывающем булавой на восток, писал Михаил Булгаков, если кто помнит “Белую гвардию”. Но, видимо, Михаил Афанасьевич каким-то диковинным образом тоже подпал под влияние “пустопорожних мифов”, от которых нам давно пора освободиться. А заодно припомнить и ещё кое-что: например, русский церковный раскол XVII века, ответственность за который, оказывается, тоже должна нести впадая в униатство Украина (подвиг украинских православных братств, ценой огромных жертв отстоявших свою веру, разумеется, не в счёт). Да и ещё многое можно припомнить, всего не перечислишь, главное – извлечь уроки из нашей общей четырёхсотлетней истории, а самый важный из них таков: “Нам пора более разумно платить за разбитые буйными соседями горшки. Умом понимать и себя, и соседей” (там же).

Вообще-то от буйных соседей обычно отгораживаются и даже отделяются, коль скоро с ними и впрямь сладу нет. Тем более, вот и случай удобный представился: Евросоюз приглашает Украину к себе, так что вопрос о “наследии Богдана”, так тревоживший Пушкина, можно решить легко и просто. Вот только к чему бы тогда и весь огород городить – если украинцы так плохи по самой природе своей, так пускай идут себе с миром. Но вот как раз этого, столь очевидно вытекающего из всех его рассуждений вывода, автор как раз и не делает. Почему? Да потому что Украина вообще не имеет права выбирать – вот “идея-чувство”, вот смысл статьи, которая при иных обстоятельствах и не заслуживала бы внимания – мало ли что теперь пишется в прессе и звучит в эфире, мало ли какие диковинные версии “альтернативной истории” гуляют по России! Но сегодня, в атмосфере накалённых страстей вокруг Майдана, она воспринимается иначе, потому что, несмотря на свою вызывающую грубость, а возможно, именно благодаря этой грубости, открыто обозначила то, что не столь явно и не с такими, с позволения сказать, экскурсами в историю звучит у многих других.

В самом деле, почему, собственно, Хмельницкий должен был быть “пророссийским однолюбом”? Он был лидером своего народа и, мечась в поисках выхода для своей страны, к середине XVII века оказавшейся в ситуации, по своему драматизму имеющей не так уж много аналогов в истории, не делал ничего такого, чего не делали бы другие современные ему и даже более поздние правители. Чего не делала бы и сама Россия, вступавшая, например, в союз с Турцией против Наполеона (Средиземноморский поход адмирала Ушакова), затем заключавшая мир с ним, а затем вновь воевавшая против него. Притом – в союзе с империей Габсбургов, будущим её противником в Первой мировой войне. Как и противником Франции, вновь ставшей союзницей России. Тем более не стоит напоминать о хитросплетениях военно-политических союзов, заключавшихся и распадавшихся на протяжении всего XX века – о них, надо надеяться, многие ещё помнят. Но обо всём легко забывается, как только дело касается Украины, и, как показали последние три месяца, с их грандиозным штурмом украинской темы в российских СМИ, по отношению к ней считается допустимым то, что не допускается в отношении других постсоветских государств.

Так, с лёгкостью необыкновенной можно заявить, притом на широкую аудиторию, что Украина, уже в силу множественности влияний на неё, вообще не является суверенным государством (В. Крашенинникова, “Воскресный вечер”. TV Россия-1, 28 января 2014). Говорилось ли что-либо в отношении других, Киргизии или Казахстана, например? Не припомню. Не говорилось ни о Молдове, ни об Азербайджане, между прочим, вот уже третье десятилетие не контролирующей существенную часть *де-юре* собственных территорий. Не говорилось также и о Грузии – не говорилось ни тогда, когда её отношения с Россией были обострены до предела, ни теперь, когда она, одновременно с Молдовой, в ноябре 2013 года подписала в Вильнюсе соглашения, подтверждающие её европейский выбор. Иное дело Украина. Ведь “нээзлэжная”, как непринуждённо сообщает нам Александр Маслов на страницах газеты “Завтра” (№ 3, 2014), “может существовать только при одноименной подпитке с Запада и с Востока. Поэтому в перспективе Украина станет либо колонией Запада, либо частью “большой России” (если таковую захотят воссоздать и если это замысел реализуется). А третьего, увы, не дано”.

(Показательно уже само по себе это презрительно-насмешливое “нээзлэжная”, как и небрежно брошенное М. Леонтьевым (программа “Однако”,

27 ноября 2013 года) “европЭйський выбор”: так демонстрировали когда-то почтение к королю-шуту, подчёркивая тем самым, что карнавальный король, конечно же, не “всамделишный” король. Как, по убеждению многих в России, украинский язык и не язык вовсе, а в лучшем случае наречие, если не испорченный русский, так почему бы лишний раз и не посмеяться? Напомню, однако, что ещё в 1903 году Российской академией наук украинский язык был признан именно языком, а не наречием; но даже если бы такого решения не было, в любом случае насмешка недопустима. Всегда следует помнить, что языковой вопрос гораздо быстрее других может превратиться в вопрос политический, а это оружие обоюдоострое. Споры нет, львиную долю ответственности за напряжённость между говорящими на разных – в данном случае, только в лингвистическом смысле – языках частями Украины несут ревнители по определению невозможной тотальной украинизации. Но ведь и в России выходят книги, из которых можно узнать, что ни украинского народа, ни украинского языка, ни украинского государства нет и никогда не было. Есть лишь “фетиши, созданные идеологией наших врагов” – это сообщает нам сборник “Украинский сепаратизм в России”, изданный в 1998 году в Москве, и не сомневаюсь, что “наших врагов” как раз такие умозаключения могут порадовать. Ведь отсюда следует, что если радикальные украинские националисты отрешиваются от русских, как от возможной родни, то некоторые русские тоже не остаются в долгу, объявляя украинцев, да и самую Украину не имеющими реального бытия фантомами.

Такие представления о “братском народе” имеют, к сожалению, немалую сторонников, что показала, в частности, весомая победа В. Жириновского в поединке с Олесем Бузиной. И не стоит объяснять сделанный телезрителями выбор лишь их впечатлениями от зрелища толп, под бандеровскими знамёнами идущих на штурм бастионов, то бишь административных зданий. Сходный, по сути, взгляд на Украину как на обречённую быть несамостоятельной историческую личность был высказан известным политологом, лидером российских неоевразийцев Александром Дугиным, притом на языке строгом и внешне корректном, что лишь усиливает значение сказанного. В своём интервью газете “Консерватор” (17 апреля 2003 года) он, насколько мне известно, первым сформулировал павший в России на благодатную почву девиз “Вместе в Европу”, пояснив, что Украина не имеет будущего за пределами этого “вместе” – даже в том случае, если сама Россия сделает более чем эксцентричный выбор. А такого выбора Дугин не исключает, потому что, по его словам, “Россия заинтересована в интеграции в Европу и вступлении в НАТО”. Но вот “вступление Украины в НАТО и в европейские структуры невозможно без России”. Невозможно по многим причинам, но, главное, потому, что такая попытка поставит её на грань раскола и гражданской войны. Что, как видим, и произошло – с той, однако, существенной разницей, что к опасной черте Украину подвела не интеграция в европейские структуры, но, наоборот, отказ от неё.

Именно после отказа Януковича поставить в Вильнюсе свою подпись под уже подготовленными документами сторонники евроинтеграции начали стекаться на майдан. А вот её противников, которых имел в виду Дугин, говоря об опасности внутреннего конфликта на Украине, по-настоящему вывела на улицу всё-таки не проблема выбора между европейским и евразийским вектором интеграции, а обретшая вполне реальные очертания угроза экспансии необандеровцев за пределы их базовой территории. Но это уже совсем другой вопрос, к проблеме выбора между Таможенным союзом и зоной свободной торговли с ЕС имеющий отношение самое отдалённое, а потому до недавнего времени российские власти вовсе не занимавший.

* * *

О бандеровском возрождении в западных (отчасти и центральных областях Украины) давно уже было известно всем. В том числе и российским политикам, а также политологам и журналистам, ныне с театральным пафосом зывающим: “Как может Запад спокойно смотреть...”, “Как может Европа не замечать...” и прочее. Всё в духе того же скверного спектакля, глядя на который хочется, прямо по Станиславскому, воскликнуть: “Не верю!”

Все участники этого спектакля прекрасно знают, что и весь Запад как целое, и Европа как его часть, конечно же, “могут смотреть” — как точно так же смотрели на прибытие усташских ветеранов в Югославию — для продолжения дела, от которого им пришлось оторваться в 1945 году; как точно так же смотрели и продолжают смотреть на марши эсэсовских легионеров в странах Балтии. Но могла же ведь и сама Россия с тем же спокойствием смотреть на воздвигаемые там и сям памятники Бандере и бойцам УПА; на разрушение во Львове могилы Героя Советского Союза Николая Кузнецова в 1998 году; наконец, могла же не замечать проходивших в прессе сообщений о тренировочных лагерях в Карпатах. На всё это реагировала, и очень болезненно, немалая часть российской общественности, прежде всего, конечно, ветераны, но и не только они. Однако не руководство страны, не её сменявшие друг друга президенты и не её парламент.

А ведь ещё в 1996 году около ста депутатов Верховной Рады Украины призывали народы России и Белоруссии, а также государства Восточной Европы расследовать преступления бандеровцев против человечности и человечества. Особого отклика их обращение не нашло, в том числе и в России, зато Конгресс украинских националистов сразу предпринял ответный ход: начал сбор подписей в поддержку акции национального возрождения и единства под девизом: “Героя Украины — государственное признание”. Что и произошло в годы президентства Виктора Ющенко, присвоившего звание Героя Украины лидеру ОУН Степану Бандере и командующему УПА Роману Шухевичу. Но Ющенко лишь официально закрепил, легитимировал тенденцию, открыто набиравшую ход со дня провозглашения независимости Украины. Так, ещё задолго до “оранжевой революции” 2004 года канадский политолог В. Полищук писал: “Украина создала своего рода феномен. Ни в одной стране мира так явно и так активно не действуют партии и движения фашистского типа, нигде не возвеличивают фашистских лидеров, нигде им не воздвигают памятники и не называют их именами улицы и площади...” (“Правда”, 25 декабря 1996 года).

Однако Россию эта сторона украинской жизни не слишком волновала, к тому же в ней самой довольно громко звучали голоса, призывающие если уж не к посмертному награждению генерала Власова, то, во всяком случае, к его полной реабилитации как борца против коммунизма и, особенно, сталинизма. В атмосфере более чем снисходительного отношения к коллаборационизму Россия прожила более десяти лет уже и при новом, сменившем Б. Ельцина руководстве страны. Но особенно сгустилась она при подготовке к воссоединению РПЦ МП и РПЦЗ, хотя о поддержке, оказанной “зарубежниками” нацистскому рейху в годы Великой Отечественной войны, было, конечно, хорошо известно. Как было известно и то, что РПЦЗ не только не собирается пересмотреть своё отношение к такому прошлому, но, ещё до подписания обеими церквями Акта о каноническом общении, её Синод вынес решение о признании генерала Власова патриотом России. Это стало некоторой неожиданностью для Московской патриархии, но не препятствием к воссоединению. И вот как, уже *post factum*, объяснял её позицию архимандрит Тихон (Шевкунов): “Когда в процессе подготовки к воссоединению с РПЦЗ мы проводили наши собеседования, было принято молчаливое соглашение этот вопрос не поднимать. Слишком по-разному мы на него смотрели. Ведь речь шла ни больше ни меньше, как о наших отцах и дедах, сражавшихся по разные стороны фронта... Это как в большой и непросто прожившей семье: есть темы, проблемы, которые человек любящий и чуткий никогда не поднимет” (“Известия”, 15.09.2009).

Трогательно, конечно, вот только аналогия с делами внутрисемейными не слишком уместна. Сама РПЦЗ, величая Власова патриотом России, именно *подняла вопрос*, который является отнюдь не внутрисемейным, а политическим, притом международного значения. Потому что, в соответствии с документами Нюрнбергского процесса, те организации, юридические и физические лица, а также правительства тех стран, которые будут реабилитировать воинские формирования, воевавшие на стороне Гитлера, подлежат суду Международного трибунала. Конечно, документы эти давно игнорируются и США, и Европой, когда того требуют их интересы. Однако проблема коллаборационизма имеет не только юридическое, но и нравственное измерение, и до 2008 года Россия, в общем, не пересекала черты, отделяющей заявления отдельных “физических лиц” и даже организаций от позиции самого государст-

ва, не допускала их легитимации, а тем более церковного освящения. И это давало ей моральное право выступать с осуждением других стран, пересекающих такую черту. Теперь она его утратила, и поскольку воссоединению церквей, подсвеченному “отмыванием” коллаборантов, было придано общегосударственное значение, теперь всё, что она ни скажет по этому поводу, прозвучит неубедительно. Особенно в том, что касается Украины.

Недавнее благосклонное упоминание Путиным тех лет, когда премьером Украины была Юлия Тимошенко и когда как раз и произошла официальная героизация ОУН и УПА, позволяет заключить, что российское руководство, в общем, не воспринимало попытки украинских публицистов привлечь его внимание к проблеме и тех угроз, которые “бандеризация Украины” (см. “Бандеризация Украины – угроза для России”, Львов, 1998) она несёт с собой. Иное дело – вдруг осознанная как близкая и реальная возможность сближения Украины с ЕС не “вместе с Россией”, а самостоятельно, да а ещё в тот момент, когда Россия приступила к реализации своих неожиданно заявленных интеграционных планов. Вот тогда со стороны Москвы, ещё почти за полгода до Майдана, и последовали стремительные и очень жёсткие действия.

* * *

14 августа 2013 года в 00 часов, без всякого предварительного уведомления, Государственная таможня России полностью перекрыла доступ в страну для украинского экспорта. Все без исключения грузы подвергались тотальной проверке, что предполагало выгрузку товаров, их перегрузку, досмотр и обратную погрузку в транспортные средства. При этом, по словам известного украинского политолога Константина Бондаренко, к украинской продукции предъявлялись требования более жёсткие, чем даже к продукции стран, уже заключивших с ЕС соглашения об ассоциации и свободной торговле. Но ещё за месяц до этого, 16 июля, российский премьер Д. Медведев заявил, что поставок украинских труб в Россию на оговоренных ранее и достаточно благоприятных для Украины условиях больше не будет, так что всё происходящее явно представляло собой нечто другое, нежели все торговые войны, которые Россия вела ранее. Будь то запрет на ввоз в Россию грузинских и молдавских вин, литовского и украинского же сыра или даже то, что назвали “шоколадной войной”, когда 29 июля Россия запретила ввоз продукции украинской фирмы “Рошен”. Теперь, в ретроспективе, ясно, что “шоколадная война” была лишь первым шагом и только частью неординарных мер, уготованных Украине за её пренебрежение Таможенным союзом. Смысл же их и цель неделю спустя раскрыл советник президента РФ Сергей Глазьев. “Российская таможенная служба, – пояснил он, – проводила профилактические мероприятия, связанные с подготовкой режима таможенной администрации в случае, если Украина подпишет соглашения об ассоциации с ЕС” (“Новая газета”, 28.08.2013).

Не берусь судить о том, насколько обоснованными с формально-юридической точки зрения были мероприятия, на целую неделю парализовавшие украинский экспорт, – это дело специалистов. Однако уже само по себе возвращение к прежнему режиму работы таможни говорит о том, что никаких веских причин, связанных с качеством поставляемых товаров, наносить такой удар по экономике соседней страны не было. А то, что за всю постсоветскую историю такие действия были предприняты по отношению только к Украине, всё-таки позволяет сделать некоторые выводы. В самом деле, такой “профилактике” не подвергались ни Грузия, ни Молдова – ни тогда, когда они вместе с Украиной собирались поставить свою подпись в Вильнюсе, ни после того, как поставили её. Не подвергалась и Киргизия, несмотря на то, что её позиция по вопросу о Таможенном союзе приобрела уже прямо-таки гуттаперчевую гибкость. При этом любые отказы от уже согласованных документов нередко сопровождаются со стороны Бишкека не слишком дружественными по отношению к России комментариями, вплоть до обвинения её в “расизме и фашизме”, но в особенности – выдвиганием всё новых и новых требований к партнёрам по ТС. Например, о предоставлении безвозвратных кредитов, создании трудоёмких предприятий в Киргизии; а в ожидании этого – увеличении Россией иммиграционных квот. Для сравнения: уже в июне, когда гроза только собиралась, руководитель ФМС РФ Константин Ромодановский

в ходе состоявшейся в Москве международной конференции “Российско-украинские отношения: реалии и перспективы” заявил, что Россия может выслать на родину и запретить на три года въезд на свою территорию 700-м тысячам украинских граждан. Которых в России, по данным самого Ромодановского, находится около полутора миллионов.

Между тем, только в 2013 году в Россию въехало, по данным ФМС, 8 миллионов мигрантов, получивших регистрацию, всего же их, опять-таки по данным ФМС, находится 12 миллионов, в основном из Средней Азии, легально же из них работает всего полтора миллиона. То есть столько же, сколько всего находится в России украинцев, вдруг привлечших к себе пристальное внимание главы ФМС, которому наверняка хорошо известно, что не украинцы являются главной причиной напряжённости, вызываемой сегодня в России гигантским притоком иммигрантов. Причины такого внимания, конечно, ни для кого тайной быть не могли, и один из ведущих украинских политологов, Алексей Лещенко, не без иронии заметил тогда: разумеется, на Украину давят и Европа, и Россия, вот только Европа давит, обещая смягчение визового режима для Украины, а Россия – депортацию украинцев. Что окажется эффективнее, покажет время.

Наконец, летом 2013-го Киргизия заявила о своей готовности вступить в альянс тюркских государств, среди задач которого, между прочим, значится создание единого экономического пространства. Произошло это в азербайджанской Габале, на встрече лидеров Турции, Азербайджана, Казахстана, являющегося членом ТС, и Киргизии, имеющей намерение присоединиться к нему. Однако никаких заявлений о недопустимости параллельного членства в разных союзах со стороны Москвы не последовало. Хотя примерно тогда же предложение Януковича создать для Украины особый формат её присоединения к ТС по формуле “3 + 1” было резко отвергнуто премьером Д. Медведевым, заявившим: “Или всё, или ничего”. Это, к сожалению, подтверждает гипотезу об “особом” подходе Москвы к Киеву и позволяет оценить августовские профилактические мероприятия на российско-украинской границе как своего рода акцию превентивного устрашения. Или, если угодно, показательную порку ослушницы.

Судя по всему, подобного руководство Украины не ожидало, и, думаю, больше всё-таки не по беспечности, а потому, что рассчитывать на другую манеру обхождения у него были достаточно серьёзные основания.

21 февраля 2010 года, за четыре дня до его инаугурации, только что избранный президентом Украины В. Ф. Янукович и президент РФ В. В. Путин подписали документ, открывавший, казалось, перспективы заметного улучшения российско-украинских отношений: Харьковские соглашения. Соглашения были уже 27 февраля ратифицированы парламентами обеих стран и предусматривали продление Украиной срока аренды для Черноморского флота России до 2042 года и предоставление Россией столлларовой скидки на газ для Украины. Больше выигрывала, конечно, Москва, так как цена на газ для Киева всё ещё оставалась очень высокой, значение же Черноморского флота для России в комментариях не нуждается. Тем не менее, была создана база для сотрудничества на более доверительном, нежели при президенте Ющенко, уровне, и в ходе этого сотрудничества Киев, конечно, надеялся более благоприятным для себя образом разрешить большой для него “газовый” вопрос. А главное – добиться пересмотра заключённых премьером Юлией Тимошенко соглашений о поставках российского газа в объёме, заметно превышающем потребности Украины. Притом – на условиях, которые делали невозможным для Украины односторонний отказ от закупок.

Добиться желаемого пересмотра, однако, так и не удалось, однако ожидать от России особо резких действий не давала как будто и сама история программы Евросоюза “Восточное партнёрство”, в рамках которой Киев готовился к подписанию соглашений об ассоциации с ЕС и свободной торговле. Замысел этой программы был предложен Польшей и Швецией в 2008 году, а год спустя, 7 мая 2009 года, на саммите ЕС в Праге была подписана декларация о принципах “Восточного партнёрства” и состоялся его учреждение. “Партнёрство” предлагалось шести бывшим республикам СССР (Армении, Азербайджану, Белоруссии, Грузии, Молдове и Украине), и в прессе эту программу порою стали называть “суррогатом ЕС”. Подчёркивая, что само уч-

реждение “Восточного партнёрства”, с его акцентами на экономическом сотрудничестве, можно считать знаком отказа Европы от прежних амбициозных замыслов вхождения в постсоветское пространство. Видимо, не усмотрела в новой программе ЕС угрозы для себя и Москва. Во всяком случае, в том же году Д. Медведев, ещё будучи президентом, заявил, что Россия не видит особой пользы от программы Евросоюза, но и не намерена препятствовать её реализации. Таким образом, “слово короля” было сказано и могло восприниматься как гарантия от слишком резких реакций со стороны Москвы.

Правда, в ноябре того же, 2009 года в Минске президентами трёх стран (России, Белоруссии, Казахстана) была подписана декларация о создании, в рамках ЕврАзЭС, Таможенного союза, но задачи его пока определялись очень скромно, как сугубо торгово-экономические. 1 июля 2011 года новый таможенный кодекс начал действовать на территории Казахстана и России, а спустя шесть дней – и на территории Белоруссии, при этом внутренние таможи были сняты и перенесены на внешний периметр трёх государств. Никакой напряжённости в их отношениях с ЕС это не вызвало, и новая ситуация никак не отразилась на работе Брюссельского саммита “Восточного партнёрства”, состоявшегося в июле 2012 года. В конце 2013 года предстоял очередной, Вильнюсский саммит, но о его итогах, как и окружавшей его атмосфере, уже хорошо известно. Так что же такого произошло, что так резко изменило ситуацию, и почему вдруг рутинный вопрос о таможене стал детонатором острого политического кризиса на территории самой крупной из стран современной Европы?

* * *

В поисках ответа стоит вернуться в 2011 год, а точнее – напомнить о статье В. В. Путина, 4 октября опубликованной в газете “Известия”. В ней президент Российской Федерации изложил свой взгляд на проблемы интеграции на евразийском пространстве, прежде всего постсоветской его части, и очертил её цели, далеко выходящие за рамки экономики и лежащие, как это прямо следовало из слов президента, в области глобальной политики. “Мы, – заявил тогда Путин, – предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и сыграть при этом роль “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом”. Зелёный свет для этого проекта был дан немедленно.

18 ноября 2011 года лидерами трёх государств – учредителями Таможенного союза была подписана декларация о Евразийской интеграции. А несколько месяцев спустя, в феврале 2012 года спикер Госдумы РФ Сергей Нарышкин заявил, что наступает черёд формирования наднациональных структур, прежде всего Евразийского парламента. Что до уже существующих организаций экономического характера, ТС и ЕЭП (Евразийского экономического пространства), то они теперь приобретали вспомогательный характер и должны были стать базой для формирования Евразийского союза, гораздо более масштабные цели которого со всей определённоностью были обозначены в статье Путина. Они привлекли наибольшее внимание политиков и СМИ, гораздо меньше были замечены слова президента РФ о том, что Таможенный союз уже начал переговоры о создании зоны свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли. Однако в контексте Майдана-2 они получают другое значение. Ведь из слов Путина следовало, что Россия в принципе не против создания совместной с ЕС зоны свободной торговли, но что члены ТС должны присоединяться к ней не поодиночке, а лишь “вместе с Россией” и в рамках нового наднационального образования, работа по созданию которого быстро набирала темп. Что придавало вопросу о включении в него Украины особую остроту, потому что, как не раз говорили многие политики, от Бисмарка до Бжезинского, Россия с Украиной представляет собой гораздо более крупную геополитическую величину, нежели без неё.

Замысел Евразийского союза, как он был представлен в программной статье Путина, то есть как мегаобразование, призванное стать одним из центров силы современного мира, неоднозначно был воспринят в самой России. Одни с восторгом увидели в нём некую некую форму восстановления СССР, пусть даже и с прямо противоположным советскому общественным строем. Другие, также с удовлетворением, сочли проект воплощением в жизнь своих

неоевразийских идей о создании на постсоветском пространстве единой могучей империи, способной в будущем, превзойдя даже мечты европейских сторонников “третьего пути” о Европе “от Атлантики до Урала”, распространиться от Атлантики до Тихого океана. Третьи с тревогой заговорили о неизбежной в случае реализации проекта гибели России, которая просто исчезнет как историческая личность, растворившись в океане гораздо более многочисленных и динамичных азиатских народов. Четвёртые – что вступление на этот путь окончательно снимет для России даже самые скромные перспективы выхода на столбовую дорогу мировой цивилизации, для сторонников такого взгляда – синонима цивилизации западной.

Однако подлинной дискуссии не получилось, а большая часть российско-го населения осталась глубоко равнодушной к рождению проекта Евразийского союза, как равнодушна ныне и ко многому другому. А там, где дискуссии всё-таки имели место, за рамками их оставалось как раз то, что в конце ноября 2013 года на Украине вывело граждан на вначале ещё достаточно мирный майдан, а именно: верхушечный, “номенклатурный” способ решения вопросов, затрагивающих интересы миллионов людей и даже будущее целых народов. Вряд ли можно спорить, что на том же элитном уровне вырабатывался и сам проект Евразийского союза, который даже не выносился на широкое общественное обсуждение, не говоря уже о референдуме. В России это не вызвало массовых протестов, а вот на Украине случилось иначе, для чего существовали очень веские предпосылки. Возможно, конечно, что российское руководство даже и не знало о них, хотя для такого знания не требовалось быть специалистом по истории Украины. Но в любом случае такое незнание не освобождает его от своей части ответственности за нынешний кризис, подобно тому, как незнание закона никого не освобождает от ответственности за его нарушение.

К сожалению, даже в самый разгар кризиса, уже обернувшегося человеческими жертвами, всё ещё приходится слышать, притом из уст именитых действующих политиков, что следует прекратить *искусственное* противопоставление Запада и Востока Украины. О, если бы перед нами и впрямь было всего лишь *противопоставление*, искусственно созданное исключительно происками неких “внешних сил”! Тогда и тревожиться было бы особенно не о чем. Просто следовало бы улучшить работу соответствующих служб и дать ей информационное обеспечение более высокого качества, нежели то, что мы видим сегодня. Однако приходится говорить о реально существующем *противостоянии* двух Украин, имеющем достаточно долгую историю для того, чтобы мы перестали, наконец, надеяться преодолеть его детсадовским “в мире – в мире навсегда, в ссоре – в ссоре никогда”. Оно существовало ещё в те времена, когда в состав Украины, с её нынешними, “случайными”, по выражению историка Ю. Пивоварова, границами не входили не только столь трудно, если и вообще сочетаемые области, как Крым и Галиция, но когда ещё и сам Киев принадлежал Речи Посполитой.

Да, “западноукраинский субэтнос специфичен”, писал на страницах “Нашего современника” киевлянин В. Радзиевский, ссылаясь при этом на академик П. П. Толочко, по мнению которого после Брестской Унии 1596 года украинский народ расколот на две цивилизации и духовно неоднороден. Однако не одна лишь Уния сыграла роль в формировании двойственной украинской идентичности. Двойственность эта существовала ещё тогда, когда Тарас Бульба и его сыновья ехали в Сечь, по “зелёной девственной пустыне”, по ещё не тронутой плугом и не размеченной границами степи, ещё тогда, когда только “начали разыгрываться на Украине битвы и схватки за Унию”,

---

* Чрезмерная фиксация на роли внешних сил, интриги, подкупа и т. д., то есть всего того, что всегда имело и будет иметь место в отношениях между соперничающими государствами, вообще нередко ведёт к недооценке значения внутренних причин и самого масштаба событий. Так, А. Гордеев, побывавший на майдане 18 января, на страницах “Завтра” небрежно писал о нём как о немногочисленных кучках “бомжеватого вида” людей, которые “явно получают зарплату за то, что проводят время в этих палатках, на морозе и говорят о своём недоверии правительству”. А буквально на следующий день отнюдь не “бомжеватого вида” штурмовики из “Правого сектора” и бойцы “Беркута” вступили в жестокую схватку. Киев заволочло ядовитым дымом от горящих автомобильных покрывшек, и страна начала стремительно приближаться к порогу гражданской войны.

когда каждому из двух братьев ещё только предстояло сделать свой выбор. И выбор Андрия — это ведь не только предательство, которым он обернулся объективно, это ещё и трагедия, обусловленная геополитическим положением и самой историей Украины, веками, после гибели Киевского государства, вынужденной выбирать между Европой и Московией. Ожесточённо сражаясь с Речью Посполитой, она гораздо раньше испытала на себе влияние западной культуры, ощутила её мощь и красоту, притягательность которых, вслед за Малороссией, предстояло ощутить и Великороссии. Андрий ведь пленён не только “прекрасной полячкой”, но и тем особым миром, что олицетворяется ею. Такое влечение к Европе как к образу желаемого бытия органично присуще Украине, а отнюдь не является лишь следствием чьего-то искусного манипулирования её сознанием. Об этом слишком часто забывали в России, говоря о Майдане. Конечно, я далека от мысли уподобить нынешних защитников “европейского выбора” трагическому герою той давней романтической истории: не тот размах крыльев, что у запорожского казака XVII века, да и Европа, утратившая свой могучий “готический импульс”, тоже уже не та. Но и так часто звучавшие сегодня суждения, что вот, мол, польстились на жирный европейский кусок, а куса-то вернее всего и не будет и т. д., так не лучше ли остаться с Россией, свидетельствуют об очень ограниченном понимании самой идеи европейского выбора. Но ведь и Россия тоже утратила свою суровую мощь и своё неутомимое стремление к высшей правде, всё то, что делало её особенно притягательной для людей “львиной” породы, таких, как второй брат, Остап. Сегодня с обеих сторон всё предстаёт гораздо более сниженным и прагматичным.

И всё-таки не выбор между двумя “кусками” образует ядро драмы, ныне переживаемой Украиной, иначе и драмы бы не было. Но драма есть, причины же её лежат гораздо глубже области одной лишь экономики, вот почему оказываются глухи как раз к аргументам экономического свойства (“Вам же в Евросоюзе станет хуже! Посмотрите на Болгарию! Посмотрите на Боснию!” и т. д.) сторонники европейского выбора, одержимо продолжающие стоять на своём. Вот что писал о подобной глухоте к голосу разума бывший в 1918 году гетманом Украины Павел Скоропадский, вспоминая о галичанх: “К сожалению, их культура из-за исторических причин слишком разнится от нашей. Затем, среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле *исповедания ненависти к России*. . . Для них неважно, что Украина без Великороссии задохнётся, что её промышленность не разовьётся, что она будет всецело в руках иностранцев, что роль их Украины — быть населённой какими-то прозябающими селянами” ([ru.pages.wikia.com./wiki/Галиция](http://ru.pages.wikia.com/wiki/Галиция). Курсив мой. — **К. М.**).

Многое в этом суждении, конечно, безнадежно устарело, и вряд ли, глядя на состояние нынешней России, можно с большой уверенностью утверждать, что она может быть локомотивом развития для кого-то другого. Однако главное в нем сохраняет значение для понимания нынешних событий, и этим главным, на мой взгляд, является признание “ненависти к России” подлинной страстью, способной побуждать людей к действию с силой не меньшей, чем любовь. В данном случае к бегству от России: “Только бы не с ней!”. Слышать такое неприятно, но лучше знать заранее, чем питаться иллюзиями, о чём, по сути, в 1914 году, незадолго до начала Первой мировой войны, писал часто вспоминаемый ныне экс-министр внутренних дел Российской империи Дурново. Предупреждая об опасности “присоединения к нашему отечеству области, давно потерявшей с нами живую связь”, он с поразительной точностью предсказал резкий рост влияния “галичанства” на всю остальную Украину и, как следствие, убывание среди её населения традиционно глубокого, несмотря на все сложности совместно пройденного пути, чувства исторической связи с Россией.

Но даже Дурново вряд ли мог предвидеть, какие масштабы обретёт это влияние за всего лишь 20 с небольшим лет, прошедших после крушения Советского Союза. И как стремительно “Галиция”, понимаемая не как крошечная территория, но именно как особая ментальность, станет определять государственную идеологию независимой Украины, а также её политику в области культуры и особенно образования. Перед нами действительно феномен, и его трудно понять, не учитывая всей атмосферы, в которой совершился распад Союза, подготовленный разрушительными — и оглушительными — кампаниями разоблачений всех реальных и мнимых преступлений, совершённых Рос-

сией в прошлом, и обличений её исторически сложившегося духовного облика, будто бы заведомо делающего её вообще недостойной будущего “вхождения в общеевропейский дом” (был такой, вполне официальный слоган). Тем более же — претендовать на то, чтобы вести в него других. А вот Галиция достойна, потому что кто мог лучше всех знать пути в этот “дом обетованный”, если не она, прожившая в нём семь с половиной столетий и лишь по произволу, конечно же, Сталина вновь оказавшаяся в составе этой тиранической империи? Кто непоколебимо и стойко исповедовал ненависть к России даже тогда, когда весь мир казался обольщенным ею? Кто, наконец, с оружием в руках боролся против сталинизма, “чудовищную сущность” которого все остальные разглядели много позже?

Словом, для Галиции, особенно же для её люто русофобского ядра, в своих определяющих чертах сложившегося после Унии*, наступал звёздный час, и надо признать, что она сполна использовала так неожиданно представившиеся ей возможности. Именно под её влиянием был неузнаваемо трансформирован пантеон национальных героев, своё место в котором пока удерживает разве что один лишь Богдан Хмельницкий. Имя Шевченко, конечно, ещё остаётся общеукраинским “брендом”. Однако националистам самого радикального, бандеровского толка то, что в России считалось его “москвофобией”, теперь представляется пресным, недостаточно заряженным той ненавистью к извечному врагу, которая, для того, чтобы быть, не нуждается в причинах социального или даже исторического характера, не ищет опоры в обидах прошлого, а имеет скорее метафизическую природу.

В самом деле, какие уж такие незабываемые обиды могла нанести Россия Галиции, если последняя даже не входила в Российскую империю? И вот, однако же, в учебнике литературы для 6 класса целый раздел посвящён изучению истории и песен сечевых стрелцов — военных формирований из галичан, созданных правительством Габсбургов для борьбы с Россией во время Первой мировой войны. Поскольку Галиция находилась тогда в Австро-Венгерской империи, то, собственно, в самом по себе том факте, что стрелцы воевали против России, нет ничего удивительного и тем более предосудительного: они ведь были гражданами другой страны, так почему бы, собственно, они стали уклоняться от исполнения своего долга перед ней? Формально нет и никаких оснований сравнивать их с бандеровцами; однако у истоков ООН стоял бывший сечевой стрелец Евгений Коновалец, и сама история стрелцов теперь читается и преподносится именно под знаком этой связи. Стрелцы, оказывается, достойны уважения более всего не потому, что были честно воевавшими солдатами, а потому, что, только надев чужую форму и воюя в составе сильной армии, можно было надеяться сокрушить самого страшного исторического врага — Москву. Открыв тем самым путь к построению новой, независимой Украины. Дети должны помнить об этом, а потому им в качестве домашнего задания рекомендуется, например, разучить песню “Червона калина”, в которой есть такие вот слова:

*Машерують наши добровольці у кривавий тан,
Визволяти наших Українців з московських кайдан*.
А мы наших братів-Українців визволимо,
А ми нашу славу Україну, гей! гей! розвеселимо!*

Что же должны чувствовать родители севастопольских школьников, когда их детей учат разучивать такие песни и чтить таких героев, для которых сам прах четырёх русских адмиралов, покоящихся во Владимирском, когда-то ещё и Морском, соборе, олицетворяет лишь ненавистные “московские кайданы”? Что должны чувствовать все те, чьи прадеды и прапрадеды воевали с другой, российской стороны, а это — подавляющее большинство населения

---

* Потому что некогда была и другая Галиция. Галицкий полк бился на Куликовом поле в русском войске, она же, Червонная Русь, подарила нам инока Петра, пришедшего в Москву с мечтой о собирании русских земель, подарила замечательного киевского богослова Иоанна Вишенского, пламенно отстаивавшего правослаvie перед жестоко наступавшей Унией, и ещё многих других, о которых мы, к сожалению, позабыли. Среди этих других непременно надо назвать Дмитрия Вергуна, буквально накануне Первой мировой войны издавшего книгу “Что такое Галиция?”, которая теперь, столетие спустя, воспринимается с особой остротой.

современной Украины? К сожалению, у этого большинства память оказалась не столь крепкой и воля не столь настойчивой и сильной, как у тех, других, кто, не встретив особо сильного сопротивления, сумел вывести галицийскую версию украинской истории далеко за пределы самой Галиции и обрести сторонников даже в Харькове, всегда считавшемся оплотом пророссийской Украины. Ведь именно здесь, в Харькове, 30 июня 2001 года состоялись крупные торжества в честь 60-летия издания Степаном Бандерой, с первыми передовыми отрядами немцев вошедшим во Львов, Акта о восстановлении Независимого Украинского Государства. Состоялся и концерт с участием лучших харьковских артистов, что не вызвало у большинства “восточников” заметного негодования или хотя бы тревоги. Так не за это ли равнодушие расплачиваются сегодня их дети и внуки, которых жгут самодельным напалмом и которым выкалывают глаза?

* * *

Похоже, Юго-Восток наконец просыпается. Но когда я вижу людей, которые и теперь, когда, впервые за без малого столетие, центр Киева стал ареной жестокого братоубийства, всё ещё выходят с плакатами в поддержку Таможенного союза и против присоединения к Евросоюзу, я спрашиваю себя: понимают ли они, о чём сегодня действительно идёт речь? Ведь и “Правый сектор” тоже не слишком благосклонно относится к идее вступления Украины в Европу, так не потому ли медлит Москва с недвусмысленной оценкой совершённого в Киеве государственного переворота? Я вовсе не хочу сказать этим, что руководство РФ готово к сотрудничеству с крайним, откровенно бандеровским (см. более чем выразительное интервью Д. Яроша “Новой газете”) крылом Майдана, но и исключать такой вариант не вижу оснований. Да, гипотеза выглядит фантастической, но кто ещё в конце января и даже в середине февраля мог предположить, что патрулировать улицы “матери городов русских” выйдут боевики из не скрывающих своей родословной организаций. Это — явление качественно новое, даже по сравнению с маршами легионеров СС в странах Балтии, а затянувшееся молчание России — уточню: на момент сдачи статьи — становится дополнительным фактором легитимации утверждающегося на Украине *нового порядка*, де-факто уже легитимированного Евросоюзом и США.

Правда, по некоторым признакам, на сегодняшний день Москва отдаёт предпочтение Ю. Тимошенко, уже вышедшей из тюрьмы, триумфально прибывшей на Майдан и заявившей о намерении идти на досрочные президентские выборы. Однако трудно сказать, сумеет ли Тимошенко нейтрализовать и вывести из предстоящей в стране большой политической игры бандеровское крыло Майдана, да и стремится ли она к этому. Ведь заявила же сравнительно недавно экс-премьер, что живи она в годы Первой мировой войны, то непременно вступила бы в ряды сечевых стрельцов — шедших, как поётся в “Червоной калине”, идти вызволять украинских братьев из “московских кайдан” (оков). Сегодня такой освободительный поход Галичины если и не на Москву, то уж на юго-восточные области Украины несомненно, приобретает совершенно реальные очертания; а это вплотную ставит Москву перед очередным выбором, уклонившись от которого она на сей раз утратит те остатки влияния на политическую ситуацию внутри Украины, которыми ещё располагает. Эти области, сосредоточенные на юго-востоке, теперь стоят пред лицом более чем реальной угрозы прямого террора и культурного геноцида и в поисках выхода готовы на самые разные формы самоопределения — от сравнительно мягких, таких, как федерализация или конфедерализация страны, до прямого отложения от украинского государства. Трудно, однако, представить себе, что на это согласится какая-либо из политических сил, выведенных на авансцену Майданом, а следовательно, на этом направлении можно ожидать в недалёком будущем весьма острого развития событий.

К сожалению, нам, гражданам России, до сих пор остаётся неизвестной позиция нашего руководства и по этому, всё более горячему вопросу. А вот Европа уже высказала своё мнение, причём очень быстро, с опережением событий. 19 февраля, то есть ещё до фактически совершившегося в Киеве госу-

дарственного переворота, в Брюсселе, с участием европейских депутатов и некоторых активистов Майдана, состоялась пресс-конференция, на которой глава Международного комитета Европарламента Эльмар Брок заявил, в частности: “Нужно сохранить единство страны. Все предположения о федерализме, которые иногда звучат из Москвы, направлены на раскол, а этого нельзя допустить” (“Новая газета”, 21.02.2014). Совершенно непонятно, почему, по Броку, Украина, столь крупная и столь сложно организованная страна, не имеет права на то, на что имеют право другие, гораздо меньшие государства – Канада, например, не говоря уже о Бельгии или Швейцарии. И почему, собственно, Европа должна вмешиваться в вопросы сугубо территориального устройства государства? Это ведь прямое нарушение суверенитета, а Брок ещё настаивает, что ЕС никак не вмешивается в украинский конфликт и что все утверждения о её вмешательстве суть не что иное, как происки Москвы, коварно подталкивающей Украину к расколу (как говорится, “от нашего стола – к вашему столу”). Между тем, *официальная* Москва пока никак не ответила на идущие к ней обращения народа и властей юго-востока Украины, так что все предположения евродепутата на сей счёт основаны на непроверенных и недостоверных источниках. А вот что достоверно, так это публичные заявления ряда известных российских политиков (В. Матвиенко, например, или экс-министра внутренних дел РФ А. Куликова) и близких к Кремлю политологов о недопустимости не только что распада, но даже и федерализации Украины. Что позволяет даже говорить о трогательном совпадении их позиции с той, что от имени Европарламента была заявлена Э. Бромом.

Думаю, в Москве понимают, что вопрос о евразийской интеграции пока снят с украинской повестки дня. Так можно ли отсюда заключить, что, рассматривая возможные варианты сотрудничества с Тимошенко, уже заявившей о безальтернативности европейского выбора для Украины, российское руководство будет готово на сотрудничество и на дальнейшую галицизацию, а теперь ещё и бандеризацию юго-востока? Под благовидным предлогом необходимости противостоять всяческому сепаратизму, как когда-то она под этим же предлогом сдала Приднестровье теперь уже тоже уходящей в Европу Молдове. Такого варианта я не исключаю, потому что, к сожалению, время для принятия внятных необходимых решений стремительно истекает, а законы, наносящие разрушительные удары по тем, кто ещё пытается сопротивляться, Верховной Радой принимаются в режиме нон-стоп. Но если Россия и впредь с олимпийским спокойствием будет смотреть (как смотрела из Сочи) на такое развитие событий, то противостояние “Запад” – “Восток” и впрямь в обозримом будущем исчезнет. Но не потому, что оно плодотворно разрешится, а потому, что *Запад* придёт на *Восток*, выжигая здесь все черты новороссийской, отличной от галицийской ментальности*. Тогда мы и впрямь получим совсем другую Украину, которая действительно никому больше не позволит – и в этом будет права – заявлять себе прямо в лицо, что её не существует. Но которая свой выбор между Европой и Россией сделала уже несколько столетий назад – надо ли пояснять, какой. Если российское руководство и впрямь окажется готовым принять подобную перспективу, тогда его игры вокруг Таможенного союза предстают бессмысленной суетой, если не преступлением – по крайней мере, моральным: уж слишком дорого было и ещё будет за них заплачено.

---

* Нельзя не заметить, как много молодых людей с “Востока” уже теперь прибыло на Майдан и как легко они восприняли ожесточённо русофобскую и откровенно бандеровскую его стилистику, и это – тревожный синдром.